ББК 61.18
УДК 81`373.613

DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_69

Виктор Шетэля[1]
Московский педагогический
государственный университет
119571 Москва, Вернадского 88
szetela@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКИ ТЕКСТА РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПЕРЕВОДЕ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается текст произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в плане употребленных в нём слов и выражении, называющих бытовую и социальную среду, в которой обитали и действовали персонажи романа. Климат Коломны – мещанского района Санкт-Петербурга 80-х годов XIX века, лишённого дворцов и парков, передан Достоевским средствами выражения колоритно, образно и одновременно точно и выразительно. Место и время действия романа охарактеризовано автором с помощью таких языковых средств, которые сами по себе вызывают интерес, но интерес к ним усиливается, если рассматривать эти единицы с точки зрения переводоведения. Насколько употребленные в авторском тексте – тексте подлинника, средства выражения соответствуют средствам выражения, скажем, польского языка, на который был переведен роман, – основной вопрос настоящей статьи. Для решения этого вопроса в работе сопоставляются фрагменты подлинного текста произведения и переведенного на польский язык аналога. Важен здесь отбор наиболее характерных для авторского языка произведения таких фрагментов, которые продемонстрировали бы, с одной стороны, специфику авторского языка, отображающего в произведении эпоху и среды, обитания

[1] Шетэля Виктор, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия.

персонажи, а с другой – показали бы трудоёмкость работы над переводом этого фрагмента. Описание района проживания персонажа, например, его дорогу «в С-м переулке» «к К-ну мосту», даёт возможность порассуждать о способах перевода на польский язык данных сокращении, интересен и перевод названия улицы (напр., перевод слова ***переулок*** на ***uliczku***, хотя более точным являлось бы здесь слово **zaułek**, которое употреблено в другом фрагменте текста). Статья, темой которого является перевод на польский язык романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», по мнению автора, более полно раскрывает личность автора – языковую личность эпохи, представителя данной социальной и языковой среды.

Ключевые слова: выражение; заимствование; перевод; переводоведение; языковая личность эпохи; языковое средство выражения

Творчество Ф. М Достоевского оказывается притягательным не только для российского читателя, увлекает оно читателей и исследователей других стран. Польша не исключение. С годами интерес к этому русскому автору не только не уменьшается, но усиливается. Подтверждением тому являются многочисленные работы, посвященные рассмотрению как сложных философских (см., например [11; 13; 16; 17; 18]) и филологических проблем (см., например [3; 4]), так и выявлению связей с польской литературой, обнаружению влияния Достоевского на польскую культуру (см., например [1; 5; 10; 11; 14; 15; 19]). Одним из самых обсуждаемых, в том числе и в польском литераутроведении, оказывается роман «Пресутпление и наказание (см. подробнее [12; 13; 14; 16; 18]).

С первых строк текста романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского попадаешь в Санкт-Петербург конца XIX века, в город не дворцов и парков, а каменных домов, уличек, каналов, дворов-колодцев, т. е. в Коломну – мещанский район Санкт-Петербурга, в котором проживают персонажи романа, и где разворачивается действие, о специфике изображения автором этого города размышляли многие исследователи (см., например [4; 5]). Поскольку писателем представлены герой в среде капиталистического города 80-х годов позапрошлого столетия, то из богатого словаря русского языка того времени автором были отобраны соответствующие средства языкового выражения для его описания (см. подробнее: [6; 7; 8; 9]). Достоевский владел языком эпохи и языком той среды, которую описывал. С помощью лексических единиц в тексте передан дух места, времени и социальной среды,

в которой обитают его жители. И сразу напрашивается вопрос о том, какими языковыми средствами русского языка достигается точность в описании образов этого места и времени, как эти образы и ощущения от города передаются в художественном переводе на польский язык.

С первых строк романа автор вводит нас в этот мир и сразу знакомит нас с главным, пока незнакомым персонажем: «*В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешительности, отправился к К-ну мост*у» [2, 5].

Наше внимание с точки зрения перевода на польский язык привлекают в этом фрагменте такие единицы, как: «*чрезвычайно жаркое время*», «*один молодой человек*», «*каморка*», а также сокращенные единицы, определяющее место действия: «*в С-м переулке*», «*к К-ну мосту*». Ср., как эти и другие элементы текста переводятся на польский язык: «*W początku lipca pod wieczór niezwykle upalnego dnia pewien młodzieniec wyszedł na ulicę ze swej izdebki, którą podnajmował od lokatorów przy uliczce S-ej, i powoli, jakby niezdecydowanie, skierował się ku mostowi K-mu*» [12, 11]. Акцентируя внимание только на раннее указанных единицах, можно сказать, что переводчик словосочетание «*чрезвычайно жаркое время*» передает соответствующим по смыслу словосочетанием «*niezwykle upalny dzień*». Сравнивая пары слов ***чрезвычайно*** и ***niezwykle*** в знач. “необычно”, как нам кажется, русское слово является более образным средством высказывания, чем его польский эквивалент. Сравнивая словосочетания: ***один молодой человек*** и ***młodzieniec***, отметим явление межъязыковой омонимии, поскольку, предполагаемое русское ***младенец***, а в польском языке ***młodzieniec*** обозначают разные возрастные состояния личности. Польское слово ***młodzieniec*** в знач. “юноша” может ввести в заблуждение русского читателя польского текста. Интересен перевод слова ***каморка*** на ***izdebka*** – уменьшительно-ласкательная форма от слова ***izba*** – ***изба***. В польском языке существует близкое по звучанию к русскому наименованию слово ***komórka*** в знач. “кладовая”. Переводчик мог употребить это слово в переводе, но всё же помещение, в которой проживал Раскольников походило «*более на шкаф, чем на квартиру*», к которому слово ***komórka*** не очень подходила. Характер этой квартиры более точно мог передаваться выисканным переводчиком словом ***izdebka*** – “избушечка”. Если речь о единицах, называющих место действия – ***в С-м переулке***, то оно по-польски передано при помощи предлога ***przy***, уменьшительной формы

uliczce (от ***ulica***) и при помощи латинской буквой с соответствующим окончанием польского языка.

Переводчик мог слово ***переулок*** перевести словом ***zaułek***, которое в данном случае могло быть более уместным. Подобным образом указано название моста, к которому стремился персонаж. Эта часть предложения «*skierował się ku mostowi K-mu*», который соответствует подлинному «*отправился к К-ну мосту*», обращает на себя внимание употребленным предлогом ***ku*** (в подлиннике ***к***), который указывают не на окончательную цель пути, а на направление дороги и на незавершенность действия. Раскольников пока не на мосту, а только к нему приближается. Отметим, что польский предлог ***ku*** в отличие от парного и близкого по функции предлога ***do*** является менее частотным в употреблении, но как раз здесь предлог ***ku*** более уместен. Впрочем, слово ***zaułek*** употребляется в другом месте перевода. См: «*цеховое и ремесленное население, скученное в этих серединных петербургских улицах и переулках*» [2, 7] и «*ludność przeważnie rękodzielnicza i rzemieślnicza, stłoczona w tych śródmiejskich petersburgskich ulicach i zaułkach*» [12, 13]. Интересно, что перевод раскрывает значение терминов профессии, выполняемых населением в это время, а сейчас уже позабытых. См.: «*цеховое и ремесленное население*» – «*ludność rękodzielnicza i rzemieślnicza*».

Как видим, даже самые первые строки романа в переводе могут вызвать довольно обширный к ним комментарии.

Интересен фрагмент произведения, в котором топонимика города названа сокращением ***В-ю улицу*** и ***na ulicę W-ą*** при помощи совпадающих предлогов **на** – **na**, а в польском тексте неоднократным употреблением предлога **z**. Ср. данные фрагменты: «*С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходившему одною стеной на канаву, а другою В-ю улицу*» [2, 8] и «*Z zamirającym sercem, z nerwowym drżeniem podszedł do olbrzymiej kamienicy, z jednej strony wychodzącej na kanał, z drugiej zaś na ulicę W-ą*» [2, 14]. Ключевым словом в данном предложении является слово ***дом***, которое имеет полнейший аналог в польском – ***dom***, но всё же переводчик предпочел употребить слово ***kamienica***, т. е. “каменный дом”, “дом из кирпича”. Возможно, что на подобное употребление повлияла, использованная автором превосходная степень прилагательного ***преогромнейшый***, определяющая величину здания. Возможно, что прилагательное ***olbrzymi*** был недостаточным определяющим для понимания величины здания. Интересно, что в подлиннике «дом выходил *стеной*», а в переводе «дом выходил одной *стороной*». Существовала возможность употребить в польском

тексте слово ***стена*** (ściana), но тогда один из предлогов **z** выпадает и заменяется предлогом ***od***, см. на возможные изменения: «... od jednej ściany wychodzącej na kanał, z drugiej zaś ...». По сути, предложение не страдает в смысловом плане, но, возможно, через такое усложнение нарушается мелодика данного высказывания.

Интерес в плане перевода может вызвать и описание персонажей произведения. Ф. М. Достоевский дает следующее внешнее описание Родиона Раскольникова: «*Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собой, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен*» [1, 6]. Каждое из этих определений может вызвать затруднение, а особенно, цвет волос – «*темно-рус*», которое, по установившемуся мнению, свойственно только русской номинации. Следовательно, такое название цвета волос может не иметь аналога в польском языке, поэтому в польском тексте Раскольников был стандартно назван «*темным блондином*». В переводе текст претерпел определенную трансформацию: на первый план выдвигается определение – «деликатное лицо молодого человека (młodzieńca)», в то время, когда автор с начала оценивает место, мерзость которого отражается уже потом «*в тонких чертах молодого человека*». А потом уже после «*Кстати*», а в польском – «Trzeba dodać» дана более подробная характеристика персонажа. Ср.: «*Po delikatnej twarzy młodzieńca przemknął wyraz najgłębszej odrazy. Trzeba dodać, że był niepospolicie przystojny, o pięknych ciemnych oczach, ciemny blondyn, wzrostu więcej niż średniego, smukły i zgrabny*» [2, 12]. В одном и другом тексте находим некое подобное штампов, ср.: ***хорош собой, ростом выше среднего***, что соответствует: ***niepospolicie przystojny, wzrostu więcej niż średniego***.

Поскольку основной темой произведения является криминальное событие, то определенный канцелярский стиль здесь вполне уместен.

Таким образом, самое начало произведения Ф. М. Достоевского «*Преступление и наказание*» – «*Zbrodnia i kara*» дает представление о климате места и времени, в котором происходит действие. Авторские языковые средства, при помощи которых создается повествование и описан главный персонаж, вызывают особый интерес при их сравнении со средствами художественного перевода на польский язык. Мастерство переводчика донесло в полной мере до польского читателя замысел автора.

Литература

1. Баранов А. И. Ф. Достоевский и польская литература до 1918 г.: дисс. ... д-ра филол. наук.: 10.01.03. Москва, 2001. 290 с.

2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. Москва: Эксмо, 2011. 592 с.

3. Касаткина Т. А. «Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников)» // Достоевский. Материалы и исследования. Ленинград: Наука, 1994. Т. 11. С. 81–88.

4. Кошечко А. Н. Поэтика художественного пространства романов Ф. М. Достоевского 1860-х годов: «Преступление и наказание», «Идиот»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2003. 24 с.

5. Лазари Де А., Сухарски Т. Достоевский В польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время // Достоевский: Материалы и исследования. 2013. Т. 20. 25–43.

6. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. Москва: Азбуковник, 2008. 962 с.

7. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г-З). / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. Москва: Азбуковник, 2010. 1049 с.

8. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И-М). / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. Москва: Азбуковник, 2012. 847 с.

9. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н-П). Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Осокина Е. А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2017. 856 с.

10. Шунков А. В. Литературная традиция Ф. М. Достоевского в польской беллетристике (Ф. М. Достоевский «Записки из Мёртвого дома» и Шимон Токаржевский «Семь лет каторги») // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 16. С. 145–153.

11. Borowski M. M., Ptaszyński T. Recepcja twórczości dostojewskiego wśród polskich i rosyjskich użytkowników internetu (aspekt religijno-etyczny) // Slavia Orientalis. 2017. T. 66. №4. S. 607–617. URL: http://www.journals.pan.pl/dlibra/publication/125370/edition/109394/content (Accessed 15.12.2020).

12. Dostojewski F. Zbrodnia i kara: powieść w sześciu częściach z epilogiem. Tłumaczył Czesław Jastrzębiec-Kozłowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1957. 556 s.

13. Francuz, Aleksandra : Jakbyś już umarł, a równocześnie żył – piekło Raskolnikowa // „Język Polski w Liceum”. 2012–2013. №3. S. 87–91.

14. Głowacki Witold: Zbrodnia i kara „Priestuplienije i nakazanie” Fiodor Dostojewski // „Cogito”. 2002. № 1. S. 57-60.

15. Kapuścik J. Fiodor Dostojewski na warsztacie polskich badaczy w ostatnim trzydziestoleciu // Przegląd Humanistyczny. 1994. № 4 (325). T. 38. S. 125–141.

16. Kuziak Michał: „Zbrodnia i kara” Fiodora Dostojewskiego: dramat rozumu / W: Lektury bez tajemnic 1 / oprac. Michał Kuziak. Kraków: Znak dla Szkoły, 1999. S. 137–147.

17. Mikiciuk E. Dostojewski Miłosza // Idea i komunikacja w języku i kulturze rosyjskiej / Red. A. Dudek. Kraków, 2011. S. 475–484.

18. Przybylski R. Dostojewski i «przeklęte problemy». Od «Biednych ludzi» do «Zbrodni i kary». Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. 354 p.; 2-еизд.: Warszawa, 2010.

19. Wedemann Marek. Polonofil czy polakozerca? Fiodor Dostojewski w pismiennictwie polskim lat 1847–1897. Poznan, 2010. 283 p.

REFERENCES

1. Baranov A. I. F. Dostoevskij i pol'skaja literatura do 1918 g.: diss. ... d-ra filol. nauk.: 10.01.03. Moscow, 2001. 290 p.

2. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie: roman v shesti chastjah s jepilogom. Moscow: Jeksmo, 2011. 592 p.

3. Kasatkina T. A. «Kategorija prostranstva v vosprijatii lichnosti tragicheskoj miroorientacii (Raskol'nikov)» // Dostoevskij. Materialy i issledovanija. Leningrad: Nauka, 1994. T.11. P. 81–88.

4. Koshechko A. N. Pojetika hudozhestvennogo prostranstva romanov F. M. Dostoevskogo 1860-h godov: «Prestuplenie i nakazanie», «Idiot»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Tomsk, 2003. 24 p.

5. Lazari De A., Suharski T. Dostoevskij V pol'skoj literature, literaturovedenii i filosofskoj mysli s 1970-h gg. po nastojashhee vremja // Dostoevskij: Materialy i issledovanija. 2013. T. 20. P. 25–43.

6. Literaturnaja tradicija F. M. Dostoevskogo v pol'skoj belletristike (F. M. Dostoevskij «Zapiski iz Mjortvogo doma» i Shimon Tokarzhevskij «Sem' let katorgi») // Shunkov A. V. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2011. № 16. P. 145–153.

7. Slovar' jazyka Dostoevskogo. Idioglossarij [Dostoyevsky's Language Dictionary. Idioglossary] (A–V) / Rossijskaja akademija nauk, Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova; glavnyj redaktor chl.-korr. RAN Ju.N. Karaulov. Moscow: Azbukovnik, 2008. 962 p.

8. Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij [Dostoyevsky's Language Dictionary. Idioglossary] (G-Z) / Rossijskaja akademija nauk,

Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova; glavnyj redaktor chl.-korr. RAN Ju. N. Karaulov. Moscow: Azbukovnik, 2010. 1049 p.

9. Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij [Dostoyevsky's Language Dictionary. Idioglossary] (I-M). / Rossijskaja akademija nauk, Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova; glavnyj redaktor chl.-korr. RAN Ju. N. Karaulov. Moscow: Azbukovnik, 2012. 847 p.

10. Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij [Dostoyevsky's Language Dictionary. Idioglossary] (N-P). Avt.: Ginzburg E.L., Karaulov Ju.N., Korobova M. M., Osokina E. A., Ruzhickij I. V., Cyb E. A., Shepeleva S.N. / Pod red. Ju.N. Karaulova. Moscow: Azbukovnik, 2017. 856 p.

11. Borowski M. M., Ptaszyński T. Recepcja twórczości dostojewskiego wśród polskich i rosyjskich użytkowników internetu (aspekt religijno-etyczny) // Slavia Orientalis. 2017. T. 66. №4. S. 607–617. URL: http://www.journals.pan.pl/dlibra/publication/125370/edition/109394/content (Accessed 15.12.2020).

12. Dostojewski F. Zbrodnia i kara: powieść w sześciu częściach z epilogiem. Tłumaczył Czesław Jastrzębiec-Kozłowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1957. 556 s.

13. Francuz, Aleksandra: Jakbyś już umarł, a równocześnie żył – piekło Raskolnikowa // „Język Polski w Liceum”. 2012–2013. Nr 3. S. 87–91.

14. Głowacki Witold: Zbrodnia i kara „Priestuplienije i nakazanie” Fiodor Dostojewski // „Cogito”. 2002. № 1. S. 57-60.

15. Kapuścik J. Fiodor Dostojewski na warsztacie polskich badaczy w ostatnim trzydziestoleciu // Przegląd Humanistyczny. 1994. № 4 (325). T. 38. S. 125–141.

16. Kuziak Michał: „Zbrodnia i kara” Fiodora Dostojewskiego: dramat rozumu / W: Lektury bez tajemnic 1 / oprac. Michał Kuziak. Kraków: Znak dla Szkoły, 1999. S. 137–147.

17. Mikiciuk E. Dostojewski Miłosza // Idea i komunikacja w języku i kulturze rosyjskiej / Red. A. Dudek. Kraków, 2011. S. 475–484.

18. Przybylski R. Dostojewski i «przeklęte problemy». Od «Biednych ludzi» do «Zbrodni i kary». Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. 354 p.; 2-еизд.: Warszawa, 2010.

19. Wedemann Marek. Polonofil czy polakozerca? Fiodor Dostojewski w pismiennictwie polskim lat 1847–1897. Poznan, 2010. 283 p.

F. M. DOSTOEVSKY’S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" IN POLISH: THE PECULIARITY OF THE VOCABULARY OF THE TEXT

Victor Szetela

PhD in Philology, Associate Professor of the Contrastive Linguistics Department of Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Abstract

The article examines the text of F. M. Dostoevsky's work "Crime and Punishment" in terms of the words and expressions used in it, naming the everyday and social environment in which the characters of the novel lived and acted. The climate of Kolomna – the Meshchansky district of St. Petersburg in the 80s of the XIX century, devoid of palaces and parks, is conveyed by F. M. Dostoevsky by means of expression colorful, figurative and at the same time accurate and expressive. The place and time of the novel is characterized by the author with the help of these linguistic means, which in themselves arouse interest, but this interest in them is strengthened if we consider these units from the point of view of translation studies. How far the means of expression used in the author's text – the original text-correspond to the means of expression of, say, the Polish language into which the novel was translated is the main question of this article. To address this issue, the report compares fragments of the original text of the work and the Polish-translated counterpart. The selection of the most characteristic of the author's works of such fragments, which would demonstrate, on the one hand, the specificity of the author's language that displays in the work of the era and environment, habitat characters, on the other hand, would show the complexity of the translation of this fragment is important. The description of the character's area of residence, such as his road "in S-m lane (pereulok)" "to K-nu bridge", makes it possible to speculate about how to translate these abbreviations into Polish, as well as the name of the street (for example, the translation of the word **lane** (**pereulok**) into **uliczku**, although the word **zaułek**, which is used in another fragment of the text, would be more accurate here). The article, the topic of which is the translation into Polish of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment", in the opinion of the speaker, more fully reveals the author's personality – the linguistic personality of the era, a representative of this social and linguistic environment.

Keywords: expression; borrowing; translation; translation studies; linguistic personality of the epoch; linguistic means of expression

Для цитирования: Шетэля В. Своеобразие лексики текста романа «преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в переводе на польский язык // Libri Magistri. 2021. № 2 (16). С. 69–77.

Поступила в редакцию 15.02.2021